

Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты

Хорватский священник Юрий Крижанич (Križanić, 1618–1683) — в истории России фигура уникальная. Являясь иностранцем-католиком, он вошёл в историю русской общественно-политической мысли XVII в. Многие преобразовательные начинания правительств Фёдора Алексеевича (1676–1682 гг.), царевны Софьи (1682–1689 гг.), не говоря уже о петровских начинаниях с конца 1690-х годов до 1725 г., удивительно похожи на реформаторские предложения Крижанича.

При этом вопрос о влиянии Крижанича на русскую общественно-политическую жизнь (как, впрочем, и вопросы о его взглядах на веру и причину приезда в Россию) до сих пор порождают дискуссии.

В своей статье мы рассмотрим статус Крижанича в России, выясним, чем учёный хорват мог заинтересовать русских современников. Мы попытаемся обосновать мысль о значительном воздействии идей Крижанича на московскую общественно-политическую элиту. Трудность доказательства этой позиции заключается в том, что мы, имея бесспорные точки соприкосновения между мыслями Крижанича и идеями русских реформаторов второй половины XVII — начала XVIII вв., не знаем наверняка ни того, с кем Крижанич обсуждал свои проекты, ни того, кому и какие из своих сочинений он посылал. Доказательство «авторитетности» Крижанича может строиться только на косвенных данных, отсюда и выводы наши не выйдут за рамки гипотезы.

Планы Крижанича по «Записке о миссии в Москву» 1641 г.

Идейное знакомство с российским миром, как частью большого православного пространства, началось у Юрия Крижанича в юности. В 1641 г. он, рано осиротевший хорватский дворянин, был выпущен из загребской семинарии и продолжил своё образование в Риме, добившись зачисления конвиктором в Коллегию св. Афанасия, которая готовила униатских миссионеров и куда католиков не принимали.

Обучаясь там, Крижанич написал в 1641 г. «Записку о миссии в Москву», где заявил о своём желании пропагандировать унию церквей в России. Панславянская идея там почти не присутствовала, чувствовалось презрение к схизматикам-московитам, мнение о которых Крижанич формулировал кратко, цитируя С. Герберштейна¹ и А. Поссевино². «Веру Христову москвитяне приняли при князе Владимире, лет за 500 тому назад, — писал он, — но от схизматиков греков, худших вместилищ лжи. Вследствие сего и вышло только, что от злого ворона произошло злое яйцо. Ибо что касается до схизмы, то невероятно, как они липнут к этой смоле и произвольное предпочитают вечному; и князь даже скорее прибавляет постоянно что-нибудь, чем убавляет»³. Достаётся москвичам, когда речь заходит о невежестве и нравственных пороках россиян. «Хотя москвитяне и не имеют познаний в свободных искусствах и благородных науках и едва умеют писать, как Поссевин говорит: “все они удивительно невежественны..., тем не менее из всех северных народов они отличаются сметливостью, двуличностью и надувательством; за таковых всегда выдавали их поляки, их соревнователи...”». Отдельным пунктом фиксируются «чрезвычайная власть великого князя над подданными», рабство и рабская верность последних своему монарху⁴.

Лишь религиозное рвение москвитов было отмечено с уважением. Как и Поссевино, Юрий полагал, что большинство простых русских, не разбирающихся в тонкостях веры, но искренне преданных Христу, из-за своей «простоты» и «спасётся». Если греки впали в схизму, по мысли Крижанича, из-за

гордыни, то причины упорства русских он видел в угнетённости, «подозрительности и страхе быть обманутыми чужеземцами в столь важном деле, как религия, каковой страх происходит из их непреодолимого невежества в науках»⁵.

Пропагандировать унию конвиктор Коллегии св. Афанасия собирался издалека. Его «дорожная карта» включала семь этапов:

- «1). Требуется найти способ проникнуть ко двору великого князя.
- 2). Стараться искать случая часто беседовать с ним и снискать его расположение.
- 3). Сохранить это расположение и заслужить еще благодарность и награды.
- 4). Быть осмотрительным при принятии наград, какого бы рода они ни были.
- 5). Не оскорблять никого из епископов, бояр и иных особ.
- 6). Добиться дозволения печатать мои труды, по предварительном рассмотрении их епископами, дабы не пало на них никакого запрещения.
- 7). Наконец, с Божией помощью, раскрыть мое намерение»⁶.

В преддверии вояжа в Россию Крижанич намеревался привлечь внимание Москвы к своей персоне, отправив туда переведённые им на русский язык книги: «Театр Мира» или «Церковную Монархию» Цаморры⁷, сопроводив их просьбой о зачислении его на русскую службу.

Царю Юрий собирался написать: «Я не мог в настоящее время найти никого, равного ему по величию (что не было бы ложью), и что поэтому ему одному подобает посвятить труд, содержащий в себе описание религии, войны и мира всей нашей народности, так как он среди неё — величайшая особа, способная наилучшим образом защищать и возвеличивать её достоинство. И что поэтому я решился не служить никому иному, кроме достойнейшего из наших народных князей, и охотно отдал бы себя на служение ему, если бы только был способен к чему-либо, дарованием ли или трудами. И что, хотя всё это ещё ничтожно мало, тем не менее, я надеюсь не быть отрину-

тым со стороны его светлости и милости»⁸. Этот пассаж можно было бы счесть лестью, если бы не фраза Крижанича, что среди славянских правителей он «не мог в настоящее время найти никого, равного ему (русскому монарху. — Т. Ч.) по величию (что не было бы ложью)», которая свидетельствует о реально высоком мнении автора о царском могуществе.

В России Крижанич рассчитывал начать с переводов интересных москвичам книг, а затем получить заказ на написание собственных трудов по церковной и русской истории. Завоевав доверие царя, следовало, по убеждению Крижанича, переходить к склонению его к активной борьбе с Турцией в союзе со Священной Римской империей, Венецией и Речью Посполитой, считая, что крепкого альянса с этими преимущественно католическими странами без унии быть не может.

«...я мало озабочен (вопросом), должны ли москвитяне перейти от греческого обряда к римскому или заменять употребление языка русского греческим или латинским, так как святою церковью уже допущены эти различия обрядов и языков, — объяснял свою главную цель в Москве Крижанич. — Единственное, что нужно для спасения москвитян, есть выяснение им заблуждения греков и пересмотр их переводов (книг) и исправление таковых... Для такого доказательства нужно ... основательное понимание языка славянского, вследствие чего я предоставил себе двухлетний срок, чтобы достигнуть до некоторой степени красноречия в этом языке, хотя он мне и родной»⁹.

Деятельность Крижанича в 1642–1659 гг.¹⁰

Скорее всего, «Записка» Крижанича оказалась главе Конгрегации Пропанды А. Барберине наивной, а потому его не послали в Московию, а определили в 1642–1646 гг. каноником в Хорватию. И только в конце 1640-х годов он имел опыт пропаганды унии среди православных жителей Дунайских княжеств. В 1649 г. Юрий проехал через русскую столицу в составе австрийского посольства в Константинополь. В 1652–1656 гг. он опять работал в Риме, составляя по поручению Ватикана «*Bibliotheca Schismaticorum universa...*» («Всеобщую библиотеку схизматиков»).

Из известных историкам ранних контактов Крижанича с русскими явствует, что во Флоренции в 1657 г. он беседовал с московскими дипломатами Чемодановым и Постниковым, которые Крижаничу не понравились. В 1658 г. Юрий встретился в Вене с новым московским посольством. Помимо поздравления Леопольда I (1658–1705 гг.) с обретением императорской короны, русские дипломаты, как всегда, вербовали западных специалистов на московскую службу. Скорее всего Крижанич объявил себя одним из волонтеров и получил одобрение русских посланцев.

Крупнейшим внешнеполитическим действием, повлекшим большие геополитические перемены на Востоке Европы, была русско-польская война 1654–1667 гг. за Украину. Конец 1658 г. застаёт Юрия Крижанича в Малороссии, через которую он едет в глубь России, — неизвестно, с дозволения ли Ватикана или самовольно¹¹. Маршрут его был таков: Львов в «польской Украине», Киев, Нежин — в «русской Украине», далее — стан гетмана Выговского, а после его измены России — опять Нежин.

Украинские впечатления 1658–1659 гг. подвигли Крижанича написать ряд сочинений, два из которых — «Описание пути от Львова до Москвы» и «Речь к черкасам» («*Putno opisanie od Lewowa do Moskwi*» и «*Besida ko Czerkasom, wo osobi Czerkasa upisana*») — попали в архив московского Посольского приказа, где хранились с другими документами малороссийского и польско-литовского происхождения под рубрикой «Польские письма». Наличие записок Крижанича в Посольском приказе говорит о безусловной известности их московским властям. Обращает на себя внимание «Речь к черкасам» 1659 г.¹², с характерным вообще для Крижанича обращением не только к читающей публике (малороссийской и русской в данном случае), но и к высоким московским чинам с предложением неких реформ, необходимость которых Юрий выводит из оценки конкретной ситуации.

«Речь к черкасам» была написана Крижаничем в критический для России момент: труд появился в период между разгромом русских войск при Канотопе 28 июня 1659 г. и выбором в гетманы сына Богдана Хмельницкого Юрия 17 ноября 1659 г.

В этот период уже обнаружилось расхождение в стремлениях малороссийских шляхтичей и запорожской старшины — с одной стороны, и украинского простонародья — с другой. Крестьяне и рядовые казаки видели в Москве избавителя от польских панов и крепостного права, что и произошло в ходе присоединения к Русскому царству Левобережной Украины¹³. Малороссийские шляхтичи и запорожская старшина мечтали не об этом. Они желали получить привилегии польско-литовской шляхты при изгнании, с помощью русских, польских помещиков-католиков, а также утверждения реальной автономии Малороссии под рукой Алексея Михайловича, «царя восточного», как именовал его в своём обращении в Москву в 1653 г. гетман Богдан Хмельницкий. В ходе переговоров запорожцам стало ясно, что царь не даст украинской элите прав, которыми обладала польская шляхта, но автономию обещал. Однако на деле русские воеводы, посланные на помощь Хмельницкому, часто игнорировали мнение гетмана, но всегда выполняли приказы царя. Автономия оказалась совсем не такой, на которую надеялся Богдан. По сообщениям русских воевод, Хмельницкий часто, разгорячённый горилкой, рыдал: «Не о том мне мечталось!» Протрезвев, просил воевод не доносить царю о его речах, а сам начал тайно писать в Швецию, думая просить протектората у этой страны, противницы и России, и Речи Посполитой. Смерть Богдана Хмельницкого не дала осуществиться этим планам, но в среде запорожской старшины многие стали рассматривать решение Переяславской рады 1654 г. о воссоединении с Россией как временный манёвр. Так что переход гетмана Ивана Выговского к поиску компромисса с Речью Посполитой не выглядит неожиданностью, как и будущие измены России Юрия Хмельницкого, заметавшегося между Москвой, Варшавой и Константинополем. Русско-польская война затягивалась. Царь Алексей Михайлович и его правительство обдумывали, как далее решать «украинский вопрос».

На чьей же стороне находится Крижанич?

В его «Речи к черкасам» есть две логические части: одна направлена к малороссийскому обществу, другая — к российскому и опосредованно к московским властям. Что советует

малороссам хорватский католический миссионер? Находим три посылы:

- ▶ не раскалывать Украину на про-русский и про-польский лагеря, всем быть под рукой московского царя, не брататься «ни с ляхами, ни с басурманами»;

- ▶ далее следует перечисление «обид», нанесённых украинцам поляками и татарами;

- ▶ и, наконец, Крижанич выступает откровенным промосковским пропагандистом, споря с распространённым, судя по его «Речи», на Украине, особенно на её униатском Западе, представлением, что власть московского царя «тяжелее, чем неволя египетская или турецкая». Последнее Крижанич называет «ересью и дьявольской мыслью»¹⁴.

Он осудил встреченную им среди галицийских униатов враждебность к Московии, объясняя её происками поляков и греков. По отношению к грекам Юрий был настроен отрицательно. Это видно из «Описания пути от Львова до Москвы» и некоторых других его записок.

Во второй части «Речи к черкасам», явно адресованной «москвитам», Крижанич дал весьма нелестную характеристику запорожским казакам. «Хотя черкасы, — говорит он, — исповедуют христианскую православную веру, но нравы и обычаи имеют зверские»¹⁵. Юрий был свидетелем убийства пяти тысяч русских пленных после битвы под Канотопом. Запорожцев Крижанич не смешивает со всем малороссийским населением, а для разрешения украинского кризиса советует изменить управление Украиной под рукой московского царя. Он предлагает:

- ▶ заменить пожизненное гетманство трёхлетним;
- ▶ контролировать и утверждать гетмана через московский Посольский приказ;
- ▶ в который необходимо принять на службу природных украинцев.

Относительно последнего следует признать, что выходцы с Украины и так служили переводчиками в Посольском приказе, наём малороссийских специалистов возрастал с начала XVII в. К примеру, в одном из центральных органов — в Оружейной

палате — число выходцев из Малороссии постоянно увеличивалось. В правление царевны Софьи (1682–1689 гг.) украинские художники языком парадного барочного портрета-манифеста преподносили ее как мудрую правительницу и подготавливали русское и зарубежное мнение к возможности разделения царевной трона наравне с её братьями Иваном V и Петром I.

Что же касается подконтрольного Москве выбора гетманов, то здесь степень самостоятельности запорожской старшины падала с 1659 по 1687 гг. Глава Посольского приказа в 1676–1689 гг. В. В. Голицын, хранивший труды Крижанича в личной библиотеке, в конце своего Первого Крымского похода 1687 г. без проблем сверг гетмана Ивана Самойловича. Он обвинил его в поджоге степи и добился вручения гетмановской булавы своему ставленнику — малороссийскому шляхтичу Ивану Мазепе.

Нет фактического подтверждения тому, что записки Крижанича — «Описание пути от Львова до Москвы» и «Речь к черкасам» — были высоко оценены в Москве, однако они явно заинтересовали русских дипломатов, раз их тексты оказались в архиве Посольского приказа. Исходя из известной практики этого учреждения зачитывать перед царём Алексеем не только «Куранты» (своеобразную первую русскую газету о положении дел в мире)¹⁶, но и выдержки из других привлечших внимание дипломатов документов, мы в праве предположить, что в Кремле проявили интерес и к идеям Крижанича, и к нему самому.

Чем был интересен Крижанич россиянам

В середине XVII в. Москва заинтересовалась европейскими интеллектуалами. При царе Михаиле Фёдоровиче пытались приобрести «своего учёного», переманивая на русскую службу Адама Олеария, члена голштинских посольств¹⁷. Олеарий объяснял свой отказ нелюбовью русских к «немцам». «Немцами» в Москве с XV в. называли всех западных европейцев, за исключением «фрязей»-итальянцев. Интересно, что Крижанич очень часто использовал слово «немцы» в своих трудах именно в московском расширительном значении.

Не будучи «немцем», интеллектуал Крижанич, выдававший себя за православного серба, мог стать желанной наход-

кой для царя Алексея Михайловича. А что касается нелюбви к «немцам», у Юрия она присутствовала почти во всех его сочинениях, написанных в России с 1659 по 1676 гг. («Описание пути от Львова до Москвы», «Речь к черкасам», «Разговоры об владетельству», «Об Светом Крещену», «Толкование исторических пророчеств», «Соловечка челобитна, об суеверству и об раздору», «De providentia Dei», «Объяснение выводно о письме словенском» и «Грамматично изказанию об русском иезику»¹⁸).

Крижанич ненавидел «немцев», держащих, по его мнению, в политической неволе или в «культурном рабстве» всех западных и отчасти южных славян. В «Разговорах об владетельству»¹⁹, написанных в форме советов царю Алексею Михайловичу по реформированию России, Крижанич требовал изгнать западных купцов из внутренних областей России, не принимать «немцев» на государственную службу, не давать им гражданства, потому что они, как иронизировал, цитируя Крижанича, С.М. Соловьёв, «могут причинять только одно зло: немец был и Басманов, любимец Расстриги, немец был и Шеин, погубивший русское войско под Смоленском!»²⁰

Ближе всего к Крижаничу по духу в его неприятии «немцев» был русский публицист конца Смутного времени дьяк Иван Тимофеев. В своём «Временнике» последний даже причины Опричнины видел в советах иностранцев Ивану Грозному: «А многих вельмож своего царства, расположенных к нему, перебил, а других изгнал от себя в страны иной веры и вместо них возлюбил приезжающих к нему из окрестных стран, осыпав их большими милостями... Увы! все его тайны были в руках варваров, и что они хотели, то с ним и творили; о большем не говорю — он сам себе был изменником»²¹. Мы не знаем, был ли знаком Юрий с «Временником» Ивана Тимофеева, но как человек, намеревавшийся писать историю России, он должен был читать востребованных в Москве авторов. О востребованности «книгочтеца и временных книг писца» Ивана Тимофеева сообщает дьяк Записного приказа Тимофей Кудрявцев, работавший в 1660-е годы над продолжением «Степенной книги». Ему самому о «Временнике» сообщили купцы Матвей Васильев и Герасим Дьяков; списки «Временника» хранились также

у видных вельмож — Ивана Михайловича и Ивана Алексеевича Воротынских и у «боярина князя Алексея Михайловича Львова, в дому ево»²². А. М. Львов 20 лет (1627—1647 гг.) возглавлял Приказ Большого дворца, тот самый, в котором год с небольшим доведётся служить самому Крижаничу.

Юрий, словно подхватывает идею Ивана Тимофеева о «виновности немцев» в бедах России (Опричнина, Смутное время) и переносит её на весь славянский мир. «Наш славянский народ, — пишет он, — весь подвержен такому окаянству: везде на плечах у нас сидят немцы, жида, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше чужебесие, или глупость, вследствие которой иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас всё, что хотят, потому и зовут нас варварами»²³. Преклонение перед «немцами» Крижанич назвал придуманным им словом «чужебесие».

В критике «чужебесия» Крижаничу был близок писатель первой половины XVII в. Иван Наседка (священник Иван Васильевич Шевель, в монашестве Иосиф). Его «Изложение на люторы» 1642 г.²⁴, написанное по поводу намечавшегося брака царевны Ирины Михайловны с датским принцем Вальдемаром, явилось настоящим манифестом против «немчинов». «Нелюбовь к немцам» отличала вождя староверов Аввакума и его антипода патриарха Никона, а также всех последующих патриархов — Иоасафа II (1667—1672 гг.) с его «Выпиской от Божих писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оные» (1668 г.), Питирима (1672—1673 гг.), который, будучи Крутицким митрополитом, де-факто заменял Никона в 1658—1664 гг. Самым воинствующим оказался патриарх Иоаким (1674—1690 гг.), который в своём «Завещании» 1690 г., обращённом к царям Ивану V и Петру I, повторит призыв Крижанича к верховной власти изгнать всех «немцев», сломать их кирпичи, а также отказаться от «немецких» наук, умений и искусства.

В последнем Крижанич, конечно, расхотелся с русскими «консерваторами». Желая изгнать западных иноземцев из

России, он надеялся, что каким-то чудом по царскому приказу «московиты» сами сумеют овладеть западной наукой, западно-европейскими хозяйственными навыками и военным делом, европейским искусством и бытовым комфортом. Сходясь с русским духовенством в отрицании протестантизма, Крижанич не мог заинтересовать его унией с Римом. А судя по тому, что последним сочинением (завещанием) Крижанича в России был «Смертный разред», ратующий за унию, долг миссионера Конгрегации Пропанганды никогда не покидал его.

Верность идее унии и латинской церкви выявляется у Крижанича в его сибирском сочинении «Об Светом Крещению» (около 1667 г.), где он резко полемизировал с константинопольским патриархом Фотием. О необходимости создания единой христианской церкви Крижанич пишет в «Толковании исторических пророчеств» (1674 г.). Ряд исследователей пытается представить идею Крижанича о единой церкви как некую альтернативу ватиканской унии. Вряд ли это так. Хотя определённое свободомыслие можно усмотреть во взглядах Юрия на схизму как некий раздор церковных администраторов из «римлян» и «греков», которому славяне были чужды. В «Обличении Соловецкой челобитной» Крижанич пишет: «Я не осуждаю церкви и не отлучаюсь от неё, но пребываю в ней и борюсь за неё: в этом печать моей веры. Хотя я не архиерей, но я думаю и проповедую согласно с архиереями, и в сём деле я, недостойный грешник, работаю для всей церкви, или паче для самого Христа»²⁵.

Русские остались холодны к унии. Не случайно «Толкование исторических пророчеств» Крижанича, затрагивающее тему необходимости преодоления схизмы, русского читателя не заинтересовало. Для исследователей это сочинение открыл и опубликовал М.И. Соколов в 1891 г.²⁶ Рассуждения о вреде церковного раскола с защитой латинской церкви и идеи унии, как компромисса, содержатся также в труде «Соловечка челобитна, об суеверству и об раздору» (1675–1676 гг.).

В целом, оказавшись в Москве, Крижанич вряд ли мог рассчитывать на поддержку здешних духовных и светских ревнителей старины. Он мог бы сотрудничать с православными «латинщиками» — Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым,

но за краткостью пребывания Юрия в столице и шаткого положения самих «латинщиков», сотрудничества не сложилось или до нас просто не дошли источники о таковом.

Между тем русское общество XVII в. вдохновлялось не только «старомосковской тишиной». В среде московской политической элиты стали подниматься те, которых историки условно называют «западниками». Именно они задавали тон в преобразовательных начинаниях. К виднейшим «западникам» обычно причисляют воспитателя царя Алексея Михайловича Б.И. Морозова и глав Посольского приказа — А.Л. Ордина-Нашекина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына. К «западникам» относился и Б.А. Голицын, «дядька» (воспитатель) младшего сына Алексея Михайловича царевича Петра. Но почитатели «западных новшеств» ещё не порвали и с родной стариной, а потому «изоляциялизм» Крижанича не мог быть преградой. С русскими «западниками» его сближали осуждение «нашего нерадения о науках» и анализ причин успехов «немцев». «Англия и Нидерланды потому богаты, что там разумы у народа хитры, морские пристанища и торги отличные, цветёт всякое ремесло, земледелие и обширная морская торговля; ещё славнее и счастливее бывает государство, когда в нём при этом и законы хороши, как, например, во Франции»²⁷, — писал Крижанич.

Как показывают написанные Юрием Крижаничем в России труды, он был знаком с наследием многих древних философов, включая Платона, Аристотеля, Цицерона. Изучил «Memoires relatifs à l'histoire de France» — воспоминания Филиппа Комина, французского историка и филолога второй половины XV — начала XVI вв., видного придворного сначала бургундского герцога Карла Смелого, а потом короля Людовика XI. Крижанич был в курсе идей голландского правоведа и философа конца XVI — начала XVII вв. Юста Липсия, цитировал из его книги «Политические поучения и примеры».

Когда Юрий Крижанич приехал в Москву, он заявил, что хочет не только «открыть русским обманы иноземцев», но и составить грамматику русского языка. Этой цели он потом посвятил два труда: «Объяснение выводно о письме словенском» и «Грамматично изказание об русском иезику». В первом со-

чинении Крижанич, по сути, заговорил о необходимости модернизации русской грамматики, вывода из русского алфавита устаревших букв. В этом он опередил своё время на более чем два с половиной столетия. Во втором сочинении Крижанич поставил перед собой кажущуюся сейчас фантастической задачу создания общеславянского языка, который будет помогать политическому объединению славян.

Россию Крижанич считал прародиной всех славян. Это убеждение, очевидно, вытекало из переноса им действительных событий из истории хорватского племени²⁸ на историю остальных славян. Русский народ Крижанич называл старшим потому, что тот жил на общеславянской прародине, и потому, что русские имели сильное независимое государство. Из русского языка он взял в свой гипотетический общеславянский наибольший процент слов. Голландский интерлингвист Т. Экман установил, что около 60% лексикона искусственного языка Крижанича составила старославянская речь, 10% — русская, 9% — сербохорватская, 2,5% — польская и т.д.²⁹ Крижанич старался очистить славянский язык от греко-латинских заимствований. Упрекал в любви к заимствованиям Мелетия Смотрицкого, славянскую грамматику которого весьма уважал. Между тем, как убедительно показали итальянские филологи Т. Грегори и Д. Марани, именно греко-латинская терминология легла в основу общеевропейской интеллектуальной лексики, без которой невозможно представить развитие научной жизни в Европе в Новое время.

В качестве явного нововведения в письменную традицию русского языка явилась постановка Крижаничем ударений в каждом слове. Впрочем, в своих письмах этих ударений Юрий не ставил. Вместо скобок он везде употреблял придуманные им знаки /: и :/.

Проект Юрия Крижанича по созданию общеславянского языка провалился, как провалилась и панславянская идея, ради которой он придумывал новый язык.

Русскую публику Крижанич мог бы привлечь своей почти религиозной верой в великую роль России, где её мессианство, со времени создания в конце XV — середине XVI вв. доктрины

«Москва — Третий Рим», стало самой значимой чертой русского религиозно-политического менталитета. После Смуты общество напряжённо осмысляло устои своего религиозного и политического бытия. Представления о вселенской религиозной миссии России вдохновили Никона на его церковную реформу, а староверов на протест против неё. Но Крижанич отверг доктрину «Москва — Третий Рим», как признак осуждаемой им русской гордыни. Как для католика, с одной стороны, и человека Нового времени, с другой, для Крижанича была неприемлема эта средневековая православная политическая мифология. Юрий считал маловероятной легенду о призвании варягов на Русь и называл баснями легенду о родстве Рюрика с римским императором Октавианом Августом через мифического Прусса. Не видел он ничего ценного и в предании о передаче неких царских регалий Владимиру Мономаху от его деда, византийского императора Константина, даже, как подчёркивал Юрий, если бы это был исторический факт.

Ко всему этому Крижанич критиковал титулатуру русского монарха. Правильно выводя слово «царь» от римского «цезарь», Юрий не находил в этом заимствовании никакой славы и предлагал заменить титул «царь» на «истинно славянский — король». Между тем по Уложению 1649 г. к политическим преступлениям («государеву слову и делу») относились даже описки в царском титуле, за что полагалась смертная казнь.

Отказ Крижанича встраивать панславизм в традиционную для россиян доктрину «Третьего Рима» оказался роковой ошибкой хорватского миссионера. Забегая вперёд, отметим, что русская общественно-политическая мысль оставалась равнодушной к панславизму и в более поздние времена. Даже «руссолюбам» 1830—1850-х годов прозвище «славянофилы» дали их противники западники с изрядной долей иронии. Лишь поздние идейные преемники классических славянофилов в либеральном и консервативном лагерях российского общества конца XIX — начала XX вв. второй раз открыли для России Юрия Крижанича и подняли его на щит как родоначальника российского панславизма.

В XVII столетии думающую русскую публику в панславизме Крижанича могли прельстить разве что отказ считать

Речь Посполитую, эту главную геополитическую соперницу Московской Руси, гегемоном славянского мира, и апология «совершенного самовладства» (полного самодержавия), не имеющего ничего общего с «людодёрством» Ивана Грозного времён Опричнины.

«Разговоры об владетьстве» Крижанича затронули и внешнюю политику России. Целых две главы «Разговоров» (51 и 52) Юрий отдал под рассуждение о необходимых переменах внешнеполитического курса Москвы. В итоге он уже в 1663–1666 гг. разработал первый в истории России план завоевания Крыма.

Следующий подобный проект появится четверть века спустя. В 1687 г. новый проект войны с Крымским ханством подаст В.В. Голицыну шотландец, генерал Патрик Гордон. К этому времени Россия уже заключит Вечный мир с Речью Посполитой (1686 г.) и вступит в Священную лигу, военно-политический союз Священной Римской империи, Венецианской республики, Речи Посполитой и Ватикана против Блистательной Порты. Крымские походы В.В. Голицына 1687 и 1689 гг. станут первой в истории России крупной не оборонительной, а наступательной операцией русского войска против Крымского ханства в рамках совместных со Священной лигой действий³⁰.

И царь Фёдор Алексеевич, выигравший первую в истории русско-турецкую войну 1677–1681 гг., и В.В. Голицын, одобдивший проект Гордона 1687 г., читали книгу Крижанича, и можно предположить, что его план завоевания Крыма оказал влияние на перемены во внешнеполитическом курсе России.

И всё-таки не план покорения Крыма и даже не рассуждения о «самовладстве» и «чужебсии» заставили русских читателей выделить «Разговоры о владетьстве» из прочих сочинений Крижанича. Самой характерной чертой мироощущения русских людей второй половины XVII в., как заметил В.О. Ключевский, была неудовлетворённость своим положением, а критика русского бытия Крижаничем, что называется, подливала масло в огонь, заставляла думать о необходимости перемен. Главным орудием реформ хорват видел царскую волю, которую сравнил с «жезлом Моисеевым». Этот «жезл» должен был насадить образование,

науки, принудить россиян к овладению военными, торговыми и прочими премудростями, создать искусство, выкорчевать «людодерство», мздоимство, «приказнические злости» и даровать условиям «слободины» (права и самоуправление).

Во всём этом Крижаничу был созвучен В. В. Голицын, «первый министр» царствования Фёдора Алексеевича и регентства Софьи. «Если бы я захотел письменно изложить здесь всё, что я узнал об этом князе, — писал о Голицыне посланец польского короля француз Невелль, — то я никогда бы не смог сделать этого: достаточно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов — в храбрцов, а пастушеские хижины — в каменные дворцы...»³¹.

Правда, «тёмная сторона» русской жизни, нарисованная Крижаничем, могла оскорбить немалую часть его русских современников.

С. М. Соловьёв свёл критику Крижанича в многостраничную цитату. Мы приведём отрывок из неё:

«А Россия? При всей своей неизмеримой широте и длине она со всех сторон заперта для торговли; мало в ней торговых городов, нет дорогих произведений; умы народа тупы и косны, нет никакого умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве: русские, поляки и все славяне не умеют вести дальнюю торговлю ни сухим путём, ни по морю; купцы русские не учатся даже арифметике, оттого иностранным купцам ничего не стоит их обмануть. Русский человек сам ничего не выдумает, если ему не укажут: книг у него никаких нет ни о земледелии, ни о других промыслах; он ленив, не промышлен, сам себе не хочет добра сделать, если силою не будет принуждён: язык его беден, беднее всех главных европейских языков, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны...

Неуменье изъясняться, лень, пьянство и расточительность — главные наши природные свойства; от расточительности происходит жестокость относительно подчинённых... То у нас правительство вконец распущено, господствует своеволие, безнарядье, то уже чересчур твердо, строго и свирепо. Все должны делать и торговать тайком, в молчанку, со страхом и трепетом, укрываться от такой огромной толпы правителей или палачей...

... люди, привыкши всё делать тайком, как воры, со страхом, с обманом, забывают всякую честь, становятся трусливы на войне, делаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистоте; не умеют они ценить чести...

Если они в ком-нибудь нуждаются, то не знают меры унижению.

... ни у немцев, ни у остальных славян, нигде на свете, кроме одной русской державы, не видно такого гнусного пьянства: по улицам в грязи валяются мужчины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают... Необходимо в этом государстве употребить какие-нибудь средства, чтоб поднять стыдливость против содомии, общественную трезвость против гнусного пьянства, правосудие против чиновников, о которых говорит Исаия: «Начальники твои — сообщники воров»³².

Эти резкие выпады, вкупе с прорывающейся наружу верностью Крижанича католичеству, делали его фигуру в русской среде очень противоречивой. Полностью его идеи не совпадали ни с одним из общественно-политических и религиозно-идеологических направлений русской мысли. Он притягивал и отталкивал одновременно, и то, что он угодил на 16 лет в Сибирь, было, конечно, не случайностью, как показательно было и то, что он не погиб в России.

Обратимся теперь к кругу общения Крижанича в Москве и Тобольске. Это немаловажно для вопроса о его влиянии. Непосредственное разрешение на проезд Крижанича из Малороссии в Москву в 1659 г. дал А.Н. Трубецкой, видный воевода времён Алексея Михайловича. В Москве Крижанича определили в Приказ Большого дворца и велели заняться составлением грамматики русского языка. Также он числился переводчиком, что не удивительно, ведь Юрий знал семь языков (сербо-хорватский, старославянский, русский, латынь, греческий, немецкий, итальянский), а возможно понимал и ряд других языков, судя по тому, что переводил позже в Тобольске один голландский текст.

В Москве Юрий, как видный приказной человек из иностранцев, был знаком с многими из здешнего политического олимпа. В письме 1675 г. из Тобольска он упоминает как своего благодетеля некоего Бориса Ивановича. Имя и отчест-

во полностью соответствуют Б.И. Морозову, «дядьке» Алексея Михайловича. В «Разговорах о владетельству» Б.И. Морозов упомянут дважды с похвалой за любовь к наукам. Кроме собственного начальства, Крижанич был точно представлен главе Посольского приказа А.Л. Ордину-Нащекину, через ведомство которого проходили все иноземцы, принимаемые на русскую службу. Образованный «православный серб» должен был заинтересовать члена Ближней думы Ф.М. Ртищева, который в то время создавал для обучения знатной молодёжи Андреевский монастырь, собирая туда учёных монахов, в основном киевлян. Было бы странно, если бы Крижаничем не заинтересовался западно-русский просветитель и воспитатель царских детей Симеон Полоцкий со своими учениками.

Столичная служба Крижанича длилась недолго. Уже в январе 1661 г. по решению Лифляндского приказа его отправили в Тобольск без всяких обвинений и с хорошим жалованием в семь с половиной рублей в месяц. Скорее всего причиной такого поворота явились сомнения в чистоте православия «Юрия Серблянина» и отказ его принимать вторичное крещение³³.

В Тобольске Крижаничу явно покровительствовал воевода князь И.Б. Репнин, позволяя сочинять, что хочет, выписывать из Москвы нужные книги, и не требуя иных работ. Направлявшийся в Китай российский посол Николай Спафарий останавливался в Тобольске с 30 марта по 2 мая 1675 г., как сообщал Крижанич, «ни јединого обеда ни вечера без мене неел»³⁴. Для Спафария Юрий перевёл на латынь по царскому приказу часть голландской книги о Китае³⁵. Добрые отношения у Юрия сложились с сибирским митрополитом Корнелием. Крижанич переписывался с епископом Вологодским и Белозерским Симоном, который как-то даже прислал Юрию в качестве помощи 10 рублей³⁶. В Тобольске Юрий делил «хлеб-соль» с протопопами-староверами Аввакумом и Лазарем. Кроме того, он писал к восставшей против церковной реформы соловецкой братии («Обличение Соловецкой челобитной»).

И, наконец, текст «Разговоров о владетельству» оказался «наверху» — у царя Алексея Михайловича и его наследника Фёдора. Последний даже намеревался опубликовать эту книгу,

чего, впрочем, не сделал, однако, взойдя на трон, освободил Крижанича из ссылки и позволил ему покинуть Россию. При Фёдоре Алексеевиче осуществилась одна из идей Крижанича, а именно выступление России против Османской империи. Россия победила турок в войне 1677–1681 гг. В это время Крижанич опять просил Ватикан отправить его в Россию, но этого не случилось — 12 сентября 1683 г. Крижанич погиб под Веной, участвуя в походе польского короля Яна Собеского, разгромившего в этот день турок.

Примечания

¹ *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549. Это знаменитое сочинение о Московии С. Герберштейн первый раз издал на латыни (1549 г.), а потом сам же перевёл на немецкий язык. Крижаничу мог быть известен не только латинский вариант книги, но и её издания на итальянском (1550 г.) и немецком языке (1557 г.). В XVII в. они, как и латинское издание, печатались несколько раз.

² *Antonius Possevinus. Commentarii de rebus moscoviticis etc.* Wilna, 1586.

³ Как установил П. Пирлинг, Крижанич цитирует из книги о Московии иезуита А. Поссевино, изданной в Вильно в 1586 г. (*Antonius Possevinus. Commentarii de rebus moscoviticis etc.* Wilna, 1586.) // *Пирлинг П.* Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 года. М., 1901. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Основные вехи жизненного пути Крижанича вплоть до 1659 г. даны по: *Аввакумов Ю.П.* Сочинение Юрия Крижанича «Беседа о суеверии» // Богословские труды. № 27. 1986. С. 246–247; *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891. С. 53–55; *Пирлинг П.* Указ. соч.

¹¹ Известно, что Крижанич просил в 1657 г. Святой Престол отправить его миссионерствовать в пользу унии в Россию. Сначала Конгрегация Пропаганды назначила его миссионером в Россию, он получил «*deputetur missonarius*» (разрешение на миссионерскую деятельность), но позже Папа переменял своё решение и оставил хорватского каноника в Риме с задачей продолжить работу по собиранию и переводу на латынь православных греческих и русских сочинений против католицизма и унии — «*Bibliotheca Schismaticorum universa...*», над которой Юрий трудился ранее, с 1652 по 1656 гг. Однако Крижанич повторил свою просьбу о миссионерстве в Московии, но получил ли «добро» на неё, — неизвестно.

¹² «Записка» опубликована вместе с другими «Польскими письмами» в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» (Кн. III за 1876 г.).

¹³ Вторичное закрепощение украинских крестьян состоялось в царствование Екатерины II после разгрома восстания под предводительством Емельяна Пугачёва.

- 14 Цит. по: *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. С. 54.
- 15 Там же.
- 16 «Куранты», они же «Вестовые письма», составлялись в Посольском приказе весь XVII век. Выходили в единственном экземпляре, написанном от руки. Издание текстов «Курантов» в восьми книгах осуществлялось с 1972 по 2008 гг. Издание носит общее название «Вести-Куранты», далее в каждой книге следует указание лет, к которым относятся тексты.
- 17 Адам Олеарий посетил Московию трижды — с первым посольством в 1633–1634 гг., со вторым — в 1635 г. и в 1639 г. (при возвращении из Персии).
- 18 *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII в. М., 1859; *он же.* Собр. соч. Т. 1–3. М., 1891–1893.
- 19 Часто этот труд переводят, назвав «Диалоги о политике» или «Политика».
- 20 *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по русской истории. М., 1989. С. 374.
- 21 *Временник Ивана Тимофеева.* М.-Л., 1951. С. 175–176.
- 22 *Белокуров С.А.* Из духовной жизни московского общества XVII века. О Записном приказе. М., 1903. С. 62–63.
- 23 Цит. по: *Соловьев С.М.* Россия перед эпохой преобразования // *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. VII. М., 1991. С. 154.
- 24 *Голубцов А.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; *он же.* Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // Чтения отделения истории и древностей российских. Кн. 2. 1892. Виршевая поэзия: 1-я пол. XVII в. М., 1989.
- 25 *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. С. 59–60.
- 26 Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 2. М., 1891.
- 27 Цит. по: *Соловьев С.М.* Россия перед эпохой преобразования. С. 150.
- 28 Обитавшее в районе Карпат в VII–X вв. племя хорватов относилось к восточнославянской группе. К Адриатике часть хорватов переселилась под ударами тюрков-аваров (обры «Повести временных лет»). Другая часть племени хорватов покинула Карпаты уже в X в., не желая признавать власть великого князя Киевского Владимира Святославича (980–1015 гг.).
- 29 Эсперанто. Искусственные международные языки. <http://www.neoesoterik.org/poleznaa-informacia/lingvistika>
- 30 История этих походов во многом ошельмована в угоду пропаганде «партии Нарышкиных» и Петра I. А между тем, с точки зрения совместных действий России, Речи Посполитой и Австрии против Османской империи, они были эффективны. Задачу недопущения прихода крымской конницы на помощь турецким войскам, воюющим с поляками и австрийцами, они решили полностью. Крижанич в 1663–1666 гг. ясно видел стратегические внешнеполитические интересы России и пути претворения их в жизнь, опережая своё время.
- 31 *Де ла Невиль.* Записки о Московии. С. 166. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frametext8.htm> С. 159. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frametext7.htm>
- 32 *Соловьев С.М.* Россия перед эпохой преобразования. С. 150–152.
- 33 Письмо Ю. Крижанича к А.А. Осолкову // *Гольдберг А.Л.* О «Смертном разряде» Юрия Крижанича / Электронная библиотека источников «Восточная литература. Средневековые источники Востока и Запада». URL: <http://www.vostlit.info/>

³⁴ Письмо Крижанича А.А. Осколкову. С. 96.

³⁵ *Гольдберг А.Л.* Указ. соч. С. 96. Сноска № 11. А.Л. Гольдберг предположил, что Крижанич переводил сочинение о путешествии в 1666–1668 гг. в Китай посланца нидерландской Ост-Индской компании Питера ван Горна. Описание этой поездки было издано в Амстердаме О. Даппером в 1670 г. («Gedenkwaardig Bedryf der nederlandsche oost-indische maetschappyo, op de kuste eil in liet keizerrijk van Taising of Sina...» Beschreven door Dr. O. Dapper. t'Amsterdam, 1670.)

³⁶ *Бережков М.Н.* Указ. соч. С. 56.